

8. Иванъ-Запѣцинъ.

Былъ—жилъ старикъ въ одной деревни. У этого старичка три сына; два-то хорошихъ, а третей—дурачокъ Ваня.

— Вотъ, дѣточки, говоритъ старикъ, когда помру, такъ вы на кѣрсту ко мнѣ приходите.

Вотъ они его похоронили. Натъ большому сыну итти, хоть Василью, сидѣть. Васильюшко и говоритъ:

— Ваня, сходи, пожалуста, за меня, я тебѣ красну шапку куплю.

Вотъ и пришолъ Иванушко на кѣрсту и сидитъ. Старикъ вышелъ изъ кѣрсты и спрашивать:

— Кто тутъ сидитъ?

— Ваня.

— А что такъ не Васильюшко? Вотъ те, Иванушко, въ чистомъ поли коза-златорога въ подарокъ, что на кѣрсту сѣлъ.

Середню брату надо итти.

— Вотъ что, Ваня, говоритъ, сходи за меня, посиди, я те красный кафтанъ куплю.

Ваня пришолъ на кѣрсту. Отецъ опять вышелъ и спрашивать:

— Кто тутъ сидитъ?

— А Ваня сидитъ.

— Вотъ те, Иванушко, свинка-золотая-шшетинка, когда ты сидишь.

Тотъ бѣжитъ домой, стучить, брякать.

— Отложите, братья, скорѣ отложите.

— Вотъ шальной-то, говорятъ бѣжить.

И третья ночь приходитъ, натъ Иванушку самому итти. Старикъ опять вышелъ изъ кѣрсты и говоритъ.

— Вотъ, Иванъ, въ цистомъ поли есь доброй конь. Свисни по-молодецки, а крыкни по-богатырски „Сивушко-бурушко! Будь передо мной, какъ листъ передъ травой“. Конь прибѣжитъ, изъ ноздрей пламя пышетъ, изъ ушей чядъ валить. Ты въ ушко скочи, умойсе, а въ другое выскочишь, и сдѣлаессе молоццомъ, что не въ сказки сказать, не перомъ описать.

Пожили они долго ли, коротко ли,--я сказываю скоро, они живутъ по своему успѣху. Вдругъ отъ царя кличъ: въ городѣ выстроена башня большая-преогромная и на этой башнѣ сидитъ дѣвушка, меньшѣя дочь царя. Если кто выскочитъ, а она перенѣмъ ударитъ въ лобъ, у того человѣка во лбу сдѣлается звѣзда, за того и замужъ пойдетъ. Вотъ посланы афѣшкѣ, чтобы скакали богатыри на сѣвъ.

Вотъ богатыри собрались. Разрѣшилъ царь:

— Ну, давай скачите, кто можетъ выскочить.

Братья Иванушкины тоже походятъ на этотъ сѣвъ глядѣть. Онъ проситъ имъ въ товарищи посмотриѣть.

— Ну, куда тебя къ чорту шального? Народъ только галится будетъ.

Его не взяли съ собой; онъ остался дома и говорить бабамъ:

— Дайте мнѣ зобѣнку, я схожу грибовъ наломаю: приду, промнутъ, надотъ чѣмъ-нибудь накормить.

Бабы подали ему зобнѣ. Онъ пошелъ съ зобѣнкой да эту зобѣнку подъ сосенку и поставилъ, а самъ вышелъ въ чистое поле, свиснулъ по-молодецки, крикнулъ по-богатырски:

— Сивушко-бурушко! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой.

Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ноздрей пламя пышетъ, изъ ушей чадъ валитъ.

— Что, говорить, Иванушко, нужно?

— А вотъ надо ѣхать.

— Ладно! вотъ лѣвъ въ одно ухо и вылѣзай въ другое.

Онъ влѣвъ и вылѣвъ, и такой сдѣлался молодець, что не вздумать, не сказать, въ одной только сказки написать. Вотъ онъ накладывалъ узду тесьмяну, а сдѣлышко церкасъко и подтягалъ на двѣнадцать подпругъ шолоковыхъ не для ради красы-басы, а для ради богатырской крѣпости. Какъ разѣхался, въ эту башню выскочилъ, только двухъ вѣнцовъ не досталъ. Тутъ публика закричала:

— Хватай, имай этого молодца.

А гдѣ тутъ поймать этакого богатыря на добромъ кони! Вотъ онъ выѣхалъ за городову стѣну, спустилъ коня мураву траву шшыпать, а самъ нашолъ свою зобѣнку, наломалъ поганокъ и принесъ домой.

— Вотъ, говоритъ, бабы, варите!

Тѣ его давай ругать.

— Чорта ли сваришь твои поганки! и выбросили все во дворъ.

На другой день братья опять собираются на публику итти, его не берутъ опять.

— Ты народъ только пойдёшь галѣть!

Братья ушли, онъ опять спрашивать зобѣнки.

— Я пойду, говоритъ, наломаю грибовъ: они придутъ, жрать захочутъ.

Отправился опять въ лѣсъ, бросилъ зобнѣю подъ сосну, а самъ пошелъ въ чисто поле, свиснулъ по-молодецки, крикнулъ по-богатырски:

— Сивушко-бурушко! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.

Конь прибѣжалъ, на колѣнки палъ, изъ поздрей пламя пышѣ, изъ ушей дымъ валить. Иванушко въ ушко скочилъ, — умылся, въ другое высочилъ, — снарядился: не вздумать, не взгадать, только въ одной сказки рассказать. Поѣхалъ на эту публику на са́му. Опять скочилъ, только одинъ вѣнецъ не доскочилъ, а то бы его перснемъ хлопнула. Публика опять закричала:

— Держи, лови! а его и поминай, какъ звали.

Выѣхалъ въ чисто поле, коня спустилъ мураву траву шшыпать, а самъ пошелъ обабки ломать.

Наломалъ такихъ обабковъ, что ись нельзя.

— Чорта тутъ варить! сказали бабы и во дворъ вывалили все опять.

Вотъ братья пришли и расхвастывались:

— Вотъ, говорятъ, каки богатыри были! Одинъ богатырь только вѣнца не дохватилъ, а то бы звѣзда въ лобъ выскочила.

— А я вѣдь тамъ былъ! сказалъ Иванушко.

— Лѣшаго ты тамъ былъ! не вѣрятъ ему.

По утру опять отправляются на публику.

— Возьмите, братья, меня!

— Чорта тебя шального, только народъ галѣть.

Вотъ и ушли братья.

— Бабы, говоритъ, дайте мнѣ зобѣнку, я грибовъ наломаю.

Дали ему зобню, онъ опять отправился. Зобѣнку бросилъ, а самъ пошолъ въ цисто полѣ, свиснулъ по-молодечки, крикнулъ по-богатырски:

— Сивушко-бурушко! стань передо мной, какъ листъ передъ травой.

Конь прибѣжалъ, на колѣнки палъ. Иванушко въ одно ушко влѣзъ, умылся, въ другое вылѣзъ, сталъ такимъ молодцомъ, что не вздумать не взгадать, только въ сказки рассказать. Накладывалъ Иванушко на коня уздицю тесьмянную, сѣдлышко церкасько и подтягалъ на двѣнадцать подпругъ шолковыхъ не для ради красы-басы, а для ради богатырской крѣпости и поѣхалъ въ эту саму публику. Скочилъ на башню и сичасъ царевна ему перснѣмъ въ лобъ хлопнула, звѣзда у него сдѣлалась. Публика и закричала:

— Хватай, имай, обскакивай этого молодца.

Выѣхалъ Иванушко за городову стѣну, спустилъ коня муравой травы шшыпать въ цисто поле. Завязалъ свой лобъ портянскою и пошолъ къ зобѣнки. Наломалъ какихъ-нибудь обабковъ, принесъ домой.

— Нате, говоритъ, бабы варите: тапоры домой придуть.

Братья пришли и хвастаютъ бабамъ:

— Охъ, какі богатыри были! Одинъ скочилъ, она его хлопнула и у него звѣзда во лбу загорѣлась.

Наутро приказъ розосланъ по всему городу, съѣхаться всѣмъ богатырямъ и простонародью, царевна будетъ искать жениха.

Къ невѣсти всѣ богатыри приходили, — не находится женихъ, ни у кого звѣзды не оказалось. И всѣ господа переходили, по чину все идетъ, какъ слѣдуетъ быть, все поодѣлки въ фатеру и водятъ. И простонародіе также, — все не находится. Вдругъ увидали наконецъ Ивана Запечина, где-то тамъ за народомъ на курятники сидитъ, и голова портянкой вся повязана.

— Вотъ, публика закричала, какой сидитъ не осмотрѣнь!

Она приказала и того привести, приказала тазъ принести съ водой и давай эти тряпки отъ него отрывать да отмывать, да-й нашла звѣзду.

Публика захохотали всѣ:

— Вотъ, говорятъ, у царевны женихъ отыскался какой, Иванъ Запечинъ!

А тѣ сестры раньше вышли, которы за енирала, которы за министра, а она была послѣдняя.

Нашли жениха, дакъ сейчасъ веселымъ пиркомъ да за свадебку, даромъ что Ванюшка Запечинъ, а на царевой женится.

Послѣ этой свадьбы всѣ на пиру напивались, всѣ наѣдались. Царь потомъ и сказалъ:

— Кто бы досталъ златорогу козу, тому бы отдалъ полжитыя и полбытыя и полымѣнья своего.

Со стороны никто не выискивается. Зятя и говорятъ ему:

— Тятенька и маменька! зачѣмъ вамъ животъ тратить, мы и сами съѣдимъ.

— Но, отправляйтесь.

Молодушка пришла и будить Ваню:

— Ну, Ваня, вставай! свойки поѣхали въ цисто поле козы златорогой доставать, а ты спишь.

— Ну, ладно пушшай!

Ванюшка потянулся, порасправился, умылся да и отправляется. Вышелъ въ цисто поле, свиснулъ по-молодецки, крикнулъ по-богатырски:

— Сивушко-бурушко! встань передо мной, какъ листъ передъ травой.

Конь прибѣжалъ, на колѣнки палъ.

— Что угодно, говорить, Иванъ Запечинъ?

— Натъ козѹ златорогу достать.

Вотъ онъ покладывалъ узьдицу тесьмяную и сѣделышко церькасько и подтягалъ на двѣнадцать подпругъ шолковыхъ не для ради красы-басы, а для ради богатырской крѣпости. Отправляется нашъ Иванушко въ цистое поле, козу нашолъ и поѣхалъ, раскрылъ шатеръ бѣлополѣтняный, зашолъ въ шатеръ и спать повалился.

А еговы свойки пріѣхали къ шатру. Видятъ—шатеръ открытъ, и коза-златорога привязана и богатырской конь. Зашли они въ шатеръ потихонько, чтобы не услышалъ. Иванушко проснулся, тѣ и спросили у его.

— Удалый добрый молодецъ! Не продашь ли намъ козы златорогой!

— Нѣтъ, господа, у меня коза не продажна, а завѣтна.

— Что за завѣтъ? Какой у тебя экой завѣтъ?

— А отъ ногъ по персту отрѣзать.

Тѣ розулись, онъ по персту и отрѣзалъ у нихъ отъ ногъ и въ платокъ завязалъ. Тѣ козу и повели. Вотъ и привели козу къ царю. У царя пошолъ пиръ, что зятя привели эку штуку.

А Ванюшка спустилъ коня въ цисто поле, а самъ пошолъ домой, завалился спать, его и на пиръ не приглашаютъ.

Опять долго ли, коротко ли времени прошло, царь и говоритъ:

— Кто бы мнѣ досталъ свинку-золотую-щетинку, тому бы отдалъ полжитья и полбытья и полдому моего.

— Тятенька и маменька! опять сказали зятя, зачѣмъ вамъ животъ тратить, мы и даромъ достанемъ.

Отправились царски зятя въ путь-дорогу.

Жонка опять пришла къ Иванушку:

— Ахъ, Иванушко, ты спишь, а твои свойки отправились искать свинку-золотую-щетинку.

— Ну дакъ мнѣ что, пусть отправляются.

Сталъ, умылся и пошолъ въ чистое поле. Свиснулъ помолодецки, крикнулъ по-богатырски:

Сивушко-бурушко! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой.

Конь прибѣжалъ, на колѣнки палъ.

— Что угодно, Иванъ Запѣцинъ?

— Натъ свинку-золотую-щетинку достать.

Накладывалъ уздицу тесьмянную и сѣдлышко церькасько и подтягалъ на двѣнадцать подпругъ шолковыхъ не для ради красы-басы, а для молодецкой крѣпости и поѣхалъ въ цисто поле; сичасъ его конь свинку и сгрѣбъ. Онъ въ цистомъ поли раскинулъ шатѣръ, а свинку-золотую-щетинку привязалъ, также и коня, самъ въ шатѣръ зашолъ.

Эти свояки опять и наѣхали на шатѣръ, видятъ свинку-золотую-щетинку. Заходятъ они потихонечку въ шатѣръ, чтобы не разгнѣвать богатыря.

Спросили у его опять:

— Не продашь ли ты намъ свинки-золотой-щетки?

Онъ сказалъ:

— Нѣтъ, господа, не продажна, а завѣтна.

— А что за завѣтъ?

— А по пѣрсту на руки отрѣзать.

Сичасъ они отрѣзали.

— Что стоитъ, говорить, отрѣзать! въ городи опять залечать.

Онъ пѣрсты завязалъ въ платокъ, они и уѣхали со свинкой. Вотъ свинку-зѣлотую-щетинку привезли царю, и пошолъ опять пиръ навѣсели, чашки-ложки всѣ повѣсили.

— Вотъ каки зятя, говорить царь, нашли свинку-зѣлотую щетинку и козу-златорогую.

А Ванюшки и послухмѣнья нѣтъ на пиру.

— Ну, говорить царь, достали козу златорогу, достали свинку-зѣлотую-щетинку, достаньте теперь кобылицу-златогривицу-сорокажеребетницу, такъ и все царство отдамъ и вмѣсто себя царемъ сдѣлаю.

— Хорошо, татенька! отвѣтили свойки.

Опять и отправляются въ чистое поле.

Хозяйка побѣжала къ Ивану Запечину:

— Что ты, Иванушко, спишь! Свойки опять отправились добывать кобылицу-златогривицу-сорокажеребетницу, а ты, говорить, спишь!

Опять пошолъ Иванушко въ чистое поле, свиснулъ по-молодецки, а крыкнулъ по-богатырски:

— Сивушко-бурушко! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой.

Конь прибѣжалъ, на колѣнки палъ.

— Что угодно, говорить, Иванъ Запечинъ?

— Натъ достать кобылицу-златогривицу-сорокажеребетницу.

— Мать моя, говорить, кобылица-златогривица, знаю, гдѣ и живетъ она. Есь ли у тебя молотъ?

— Есь, говорить, припасенъ у меня ужъ молотъ.

— Есь ли у тебя трѣхконечная плеть.

— Есь.

— Какъ кобылица станетъ пить воду, ты перескакивай съ меня на ей. Она станетъ тебя возить по лугамъ, по болотамъ вездѣ, по лѣсамъ, а ты ее ударяй мѣжъ ушей, молотомъ вали.

Вотъ накладывалъ Иванушко на своего коня уздѣцу

тесмянную и сѣдѣлышко церькасько и подтягалъ на двѣ-надцать подпругъ шолковыхъ, не для ради красы-басы, а для молодецкой крѣпости, сажился на своего добраго коня, отправился.

Вдругъ кобылицу увидали, кобылица бросилась на коня. Онъ сталъ утекать отъ ей и добѣжалъ до моря, началъ пить воду. И кобылица стала пить воду, и волны заходили изъ края въ край, съ берега въ берегъ, какъ кобылица пьтъ. А Иванушко и перескочилъ на кобылицу. Ну и начала она его возить по лугамъ, по болотамъ, и по лѣсамъ, а онъ все ее лупитъ молотомъ да плетью. До того она вся уходилася, что не змогла больше дѣйствовать и стала покорна, куда хошь, веди!

Выѣхалъ Иванушко въ цисто полѣ и раскинулъ шатѣрь бѣлополотняной и поставилъ кобылицу-златогривицу, и сорокъ жеребцовъ стоитъ у ей тоже. Самъ зашолъ въ шатѣрь, опять отдыхаетъ.

Эти свояки опять пріѣхали къ шатру. Промеждѣ собой и говорятъ:

— Зайдѣмъ въ шатѣрь, посмотримъ, цей экой-такой рыцарь.

Посмѣлились зайти въ шатѣрь. Опять у его и спросили:

— Удамый добрый рыцарь! Не продашь ли намъ этой кобылицы-златогривицы-сорокажеребетницы?

— Нѣтъ, господа, не продажна, а завѣтна.

— А какой у тебя завѣтъ?

— А по ремню изъ спѣны вырѣзать, съ пряжками.

— А что, говорятъ, дѣлать нечего! Даѣмъ, пушай рѣжетъ.

Вотъ скинулись они, онъ и вырѣзалъ по ремню и съ пряжкой, въ платокъ опять завернулъ да и знать не хочетъ. Отдалъ имъ кобылицу-златогривицу-сорокажеребетницу. Они и повели. Вотъ приводятъ домой.

А Ванюшка спустилъ своего коня въ цистое поле муравой травы шшыпать, а самъ пошолъ въ свою спальню.

Тутъ опять пошолъ у царя пиръ. Всѣ на пиру напивались, всѣ наѣдались, всѣ прирасхвастались, кто чѣмъ. Царевны старши и говорятъ:

— Вотъ наши мужья какіе штуки достали, а что твой Иванъ Запѣцинъ, лѣжитъ, храпитъ.

— Татенька и маменька, позвольте у васъ спросить, закричали сестры, приведемъ Ивана Залесина, пускай посмотритъ хоть на людей, да-й хоть люди надъ нимъ погнутся.

И сбѣгали за имъ, его растреложили. Привели его на пиръ молодца. Всѣ тутъ напились, всѣ порасхвастались.

— Вотъ, говорятъ царевны, наши мужевья-то каковы, достали и козу элаторогу, и свинку-золотую-щетинку и кобылицу-златогривицу-сорокажеребетницу.

Иванушко смотрѣлъ, смотрѣлъ.

— Хорошо, говоритъ, господа, хорошо вы доставали. Розуйте-ко сапоги.

Тѣ розули сапоги.

— Не ваши ли персье?

Иванушко тутъ наложилъ персье, какъ тутъ и было!

— А свинку-золотую-щетинку какъ вы достали? Зачѣмъ въ першаткахъ кушаете?

Вывязалъ изъ платка.

— Не ваши ли персье за свинку-золотую-щетинку?

Ремни вывязалъ и говоритъ:

— Ну какъ кобылицу-златогривицу доставали? Эти не ваши ли ремни изъ спиный вырѣзаны? Ну, давай, скидывайтесь!

Они раздѣлись. Онъ эти ремешки и сталъ накладывать.

— Вотъ и какъ кобылицу-златогривицу достали.

Сечасъ царь Иванушки полжитъся, полбытъя и полъимѣнья своего отдалъ, да и царѣмъ вмѣсто себя поставилъ. Иванушко братьевъ своихъ и семью досталъ къ собѣ въ городъ. Стали жить да поживать да добра наживать, и теперь живутъ и насъ переживутъ.

Сказка вся, больше врать нельзя.

Онежскій у., Шелековскій приходъ Савинская вол.

Зап. отъ крестьянина Ѳ. В. Огаркова 84 л. (Онъ же „Бедорейко“) 1912 г.

9. Бѣглый солдатъ.

Не въ которомъ царствѣ, не въ которомъ государствѣ жилъ-былъ царь, а у царя было войско. Изъ этого войска одинъ салдатикъ и убѣжалъ въ бѣгъ, а другой въ отпускъ